

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ Н. Д. ГОРОДЕЦКОЙ

Т. П. Сидорова

*Белорусский государственный университет, ул. К. Маркса, 31, 220030,
г. Минск, Беларусь, tsidorova1980@mail.ru*

В статье рассматривается религиозно-философская концепция литературной критики писательницы и богослова русского зарубежья Н. Д. Городецкой. Впервые анализируется доктрина кенозиса как основополагающий критерий, по которому Н. Д. Городецкая оценивала русскую литературу. Выявляются этапы раскрытия Н. Д. Городецкой религиозно-православного содержания русской литературы и ее представителей в различные культурно-исторические периоды.

Ключевые слова: Н. Д. Городецкая; кенозис; литературная критика; русская идея; русская религиозная философия.

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF LITERARY CRITICISM BY N. D. GORODETSKAYA

T. P. Sidorova

*Belarusian State University, st. K. Marksa, 31, 220030,
Minsk, Belarus, tsidorova1980@mail.ru*

The article examines the religious and philosophical concept of literary criticism by the writer and theologian of the Russian diaspora N. D. Gorodetskaya. For the first time, the doctrine of kenosis is considered as a fundamental criterion by which N. D. Gorodetskaya assessed Russian literature. The stages of N. D. Gorodetskaya's disclosure of the religious and Orthodox essence of Russian literature and its representatives in various cultural and historical periods are identified.

Keywords: N. D. Gorodetskaya; kenosis; literary criticism; Russian idea; Russian religious philosophy.

Надежда Даниловна Городецкая (1901–1985) относится к писателям первой волны русской эмиграции, так называемому «незамеченному поколению», поскольку начала писать в эмиграции, и тематика ее произведений фокусируется вокруг смыслового поля жизни и адаптации русских молодых эмигрантов.

Собственно литературный период ее деятельности охватывает 1924–1930-е годы (последнее художественное произведение рассказ «Сон» напечатан в 1937 г.) и приходится на жизнь писательницы в Париже.

А. М. Любомудров, трудами которого творчество Городецкой вышло из забвения (в 2013 году был опубликован сборник ее очерков, рассказов и публицистики), признается, что при отборе художественных произведений для публикации многое посчитал не совсем высоко художественным и отметил: «многие рассказы словно только что преодолели рамки очерка — жанра документального, фиксирующего окружающее <...> преобладает точечное описание характера, конкретной сценки. В них не встретишь мощного звучания символов, метафор, нет захватывающих романтических образов, языковая палитра скромна. Тональность их порой чеховски-грустная» [1, с. 20].

Городецкая обладала даром интуитивного познания прекрасного в мире. И это знание в большей мере нашло отражение в нехудожественных формах ее литературного творчества, в частности, в литературной критике.

По замечанию первого историка и обозревателя литературы русского зарубежья Глеба Петровича Струве (1898–1985), «едва ли не самым ценным вкладом зарубежных писателей в общую сокровищницу русской литературы должны будут быть признаны разные формы нехудожественной литературы — критика, эссеистика, философская проза, высокая публицистика и мемуарная литература» [2, с. 371].

В данной статье будет рассмотрен генезис литературно-критической деятельности Н. Д. Городецкой и уточнена динамика ее взглядов и отбора критериев для оценки художественных произведений.

Литературной критикой Городецкая начала заниматься еще в Париже. Как писатель-критик в течение 1928–1939 годов она выступала с докладами в литературном объединении «Кочевье»; клубе РСХД, на собраниях в Религиозно-философской Академии Н. Бердяева; во Франко-русской студии. Обзоры Городецкой «Юношество и Россия», «Кочевье», «Спор поколений» отражают вопросы, общие для русской эмиграции: о будущем русской культуры и литературы, миссии России в изгнании и пути сохранения русского языка, литературы и веры. Так, в докладе «Юношество и Россия» она отмечала полярные тезисы в культурном сознании русских эмигрантов, которые требовали разрешения.

Первый: «Россия для нас — миф. Возможно, что и мы никогда ее не увидим. Нужно ли в таком случае оставаться русскими?».

Второй: «Россия — это миссия. У нее есть особая роль в мире, и мы можем и должны нести ее заветы, как нес свои ценности, несмотря на изгнание, древний Израиль» [1, с. 696].

В статье «Католическая литература», докладах «Спасение и творчество» и «Духовная встревоженность в современном французском романе» Городецкая развивает концепцию Н. А. Бердяева, которого счита-

ла своим первым духовным наставником, о «религиозном беспокойстве» в литературе: «Религиозная тема стала основной у нас, религиозное беспокойство овладело всей русской литературой», — подчеркивал философ в работе «Русская идея» [3, с. 38]. Городецкая ставит вопрос о связи литературного творчества и веры. Так, в работе «Католическая литература» Городецкая сравнивает религиозную составляющую русской и французской литератур: «Существование и даже сама возможность православной культуры подвергают сомнению. В самом деле, православная ли культура Толстой, Пушкин? Зато “civilization catholique” есть нечто несомненное, и, опираясь на Церковь, она давно и прочно утверждается миру» [1, с. 685]. Обращаясь к «гениям страны» — Ж. Маритену, А. Массису, С. Фюме, Ф. Мориаку, Ж. Бернаносу, М. Жуандо, — Городецкая подчеркивает тяготение французской литературы к мистицизму, религиозному возрождению. «Франция „не парижская“, семейственная, богобоязненная и строгая, где родительский авторитет непоколебим, где изучают „Подражание Христу“» становится поводом обратиться к России и духовно-нравственным аспектам своей культуры.

Переходом от рассмотрения французской литературы к отечественной стал доклад Н. Д. Городецкой о книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», который она прочитала в 1930 году в Клубе молодежи РСХД. Гоголь как пророк русской литературы, как пример самоотречения во имя служения Богу через творчество оставался для Городецкой символическим маяком на протяжении всей ее последующей деятельности.

А. М. Любомудров отмечает, что «Городецкая опубликовала десятки статей по русской литературе» [1, с. 34], среди которых выделяется исследование духовной судьбы поэтессы и хозяйки литературного салона XIX века Зинаиды Волконской. В работе «Княгиня Зинаида Волконская» (1954) Городецкая подробно описывает зрелый период духовной жизни княгини, когда она занялась делами милосердия и миссионерства, приняв обет добровольной бедности. «Тип личности Волконской, в которой автор усматривала черты „христианского мистика“, очевидно, был близок самой Городецкой, — она также вела одинокую аскетическую жизнь, также была увлечена диалогом культур, оставаясь, однако, в границах Православной церкви», — отмечает исследователь [1, с. 34].

Переломным моментом в жизни Городецкой, который постепенно вывел ее из положения «начинающей беллетристки» до религиозно-общественного деятеля и критика-философа стало знакомство с Парижем православным, в первую очередь, в лице архимандрита Льва (Жилле), и воцерковление писательницы посредством членства в приходе св. Женевьевы.

В 1934 году по благословению отца Льва Городецкая переехала в Англию, где получила богословское образование в Бирмингеме, начала писать статьи по Иисусовой молитве, Крещению Руси, планировала основать школу-пансионат для православных женщин — Дом св. Макрины, наконец, стала ведущим лектором и значимым участником православно-англиканского Содружества св. Албания и преп. Сергия.

После своего обращения и переезда в Англию Городецкая почти перестает писать прозу: «претворять реальность в художественный вымысел она уже не хотела и не могла» [1, с. 34]. Автор погружается в мир религиозного постижения творчества и ищет свою ценностно-смысловую доминанту в осмысления литературы.

Напомним, что главной особенностью религиозно-философской литературной критики является применение к литературному явлению определенной системы взглядов философа, ценностно-смысловой доминантой которой является специфическая терминология. Для прот. С. Булгакова таким ядром была софиология, и в своем этюде он анализирует жизнь и творчество А. С. Пушкина с точки зрения софийной красоты; для Н. А. Бердяева — категория свободы, для прот. В. Зеньковского — «оцерковление жизни», «теургическое беспокойство в культуре». В зрелой литературной критике Н. Д. Городецкой таким концептообразующим ядром становится понятие «кенозис».

Кенозис (греч. κένωσις; лат. exinanitio — истощание, умаление, опустошение) — богословский термин, обозначающий уничижительное состояние, добровольно воспринятое Сыном Божиим при Воплощении для спасения мира. Самоуничжение и последовавшее за ним прославление Иисуса Христа от Бога Отца описано в послании апостола Павла к Филиппийцам, глава 2-я, который вошел в богословие как «христологический гимн апостола Павла».

В 1938 году в Лондоне была издана диссертация Н. Д. Городецкой “The humiliated Christ in modern Russian thought” — «Уничиженный Христос в современной русской мысли» (Лондон, 1938 г.), где этот гимн разобран критиком на цитаты и проходит лейтмотивом через всю книгу:

«⁶ Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; ⁷ но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; ⁸ смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. ⁹ Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, ¹⁰ дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, ¹¹ и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (Фли 2:6–11).

Перед обзором данного сборника полагаем необходимым сделать несколько пояснений.

Во-первых, обращение Н. Д. Городецкой к доктрине кенозиса имело как объективные, так и субъективные причины.

Среди объективных можно назвать атмосферу религиозно-философского окружения писательницы в Париже. Для русского духовного ренессанса начала XX века (М. Тареев, П. Флоренский, В. Лосский, Н. Бердяев, С. Булгаков и др.) было характерно обращение к доктрине кенозиса Иисуса Христа. Бог, страдающий и приносящий Себя в жертву за человека, был дорог русским, *изгнанным правды ради* (Мф 5:10). Отсюда образ Русского Христа в русской литературе, прошедшего Русь окровавленными ступнями, принявшим зрак раба, чтобы спасти погибших. Стихотворение Ф. Тютчева стало поэтическим манифестом кенозиса:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты Русского народа.

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя [4, с. 39].

По поводу этого произведения Городецкая напишет: «Это стихотворение было широко известно и часто цитируемо. Достоевский применял его как иллюстрацию русского характера и русской судьбы. Тареев как богослов, заинтересованный в светской культуре, упоминает его, когда размышляет об уничтожении Христа. Действительно, это стихотворение могло бы послужить эпиграфом к некоторым работам, связанным со 2 главой Послания к Филиппийцам. В то же время Тютчев остается поэтом элиты; популярность именно этого стихотворения была обусловлена скорее его содержанием, нежели славой автора» [5].

О русском Христе писал Ф. М. Достоевский, вкладывая в уста князя Мышкина свой призыв: «Надо, чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого они не знали!» [6, с. 215].

Так формировалась концепция русского кенозиса. «Своеобразно понимаемая идея кенозиса представляется как главная идея христианства и

одновременно русский национальный идеал», идея, «что именно русский, единственно верный образ Христа — это образ Уничужденного и странного этому миру» [7, с. 8]. Отсюда и культивирование таких черт в русском характере, как жертвенность, подвижничество, послушание воле Божией как проявление практического христианского кенозиса. Так, Н. Бердяев писал: «Тут сказалась глубокая православная основа русской души: уход из мира, во зле лежащего, аскеза, способность к жертве и перенесение мученичества» [3, с. 36].

Среди субъективных причин, подвигнувших Городецкую к исследованию кенозиса, следует отметить страдальческий характер судьбы нашей героини: непростое детство, отсутствие близости с родителями, фактическое одиночество — потеря родных в толпе беженцев после революции под Киевом, скитания по России (1918–1919), случайные заработки.

Практический кенозис реализовывал духовник Н. Д. Городецкой архимандрит Лев (Жилле). Наше исследование духовной биографии отца Льва позволило увидеть в его манере наставничества черты русского старчества как жизни «монастыря в миру», укорененного в традиции Оптиной пустыни [8].

Христоцентризм отца Льва был сконцентрирован на идее кенозиса Иисуса Христа. Тезисом его статьи «Страдающий Бог» является утверждение, что «Любовь страдающая и распятая, но всегда победоносная, продолжает действовать в мире» [9, с. 123]. Городецкая навсегда стала его верной ученицей и последовательницей. «Она была тронута его отношением к беднякам и его заботой о них. Он посещал тюрьмы, сопровождал заключенных на гильотину, помогал тем, кто сбился с дороги. <...> Его учение нашло отклик в ее душе. Страдания, которые она встречала на своем пути или испытала сама, стали вехами, указывающими дорогу к духовной свободе. <> Вместо того, чтобы бороться за удовлетворение своего „эго“, Надя была готова посвятить себя жизни в бедности, целомудрии и самопожертвовании», — писала ее коллега Э. Хилл [1, с. 762–763].

«Она на практике осуществляла то, что проповедовал и исполнял отец Лев — истощание себя, кенозис, евангельское послушание, творческое принятие бедности. Постоянное повторение Иисусовой молитвы указывало ей путь и давало поддержку» [1, с. 766]. Это замечание принципиально для нашего исследования, поскольку свидетельствует о том, что *принятие Городецкой идеи кенозиса было не только теоретическим, посредством штудирования работ русских религиозных философов, но как глубоко усвоенная, лично переживаемая духовная практика.*

Работа Городецкой «Уничиженный Христос в современной русской мысли» (1938) представляет собой первый в истории русской мысли обзор материалов по культуре, литературе, философии, общественно-политической сфере в контексте кенозиса. Весь материал данной книги построен вокруг двух констант:

- русский Христос как Уничиженный Бог;
- русская душа как носительница и выразительница кенозиса Христа.

Эта книга — раскрытие перед слушателями мира русских людей в лице его лучших представителей (писатели, поэты, митрополиты, церковные и светские деятели, либералы, революционеры) и русского Христа как средоточия чаяний этих людей.

«Работу Городецкой надо рассматривать прежде всего как обширное и тщательное собрание материалов, — ценное отнюдь не для одного только иностранного читателя, — отмечал критик В. В. Вейдле, — на тему, чрезвычайно важную для понимания России и русской литературы, но которую у нас, в плане описательном и историческом, не разрабатывал еще никто» [Цит. по: 1, с. 31].

В основу концепции Городецкой положена идея о том, что кенотичность — это важнейшее свойство русской души, русской ментальности. По ее мнению, русским людям в большей степени присущи жалостливость, сострадание, терпение, кротость, братолюбие (прощение обид), добровольная бедность (нестяжательство), скромность, жертвенность как кенотические проявления человека в стремлении следования за Христом.

Не только святые, богословы или люди Церкви, но и писатели, поэты, общественные деятели способны на самоотречение, жертвенность.

По мнению современного исследователя кенозиса в русском богословии А. Малышева, «загадочный мир русского кеносиса открылся западным ученым именно благодаря работе Н. Городецкой» [7, с. 10]. Он подчеркивает, что Городецкая впервые представила систематический труд по «кенотическому имиджу» русской культуры, включив богословское понятие о кенозисе в широкое поле русской традиции.

В работе Городецкой идея кенозиса становится концептообразующей и реализуется на следующих уровнях:

- самоумаление как часть духовного подвига или как черта русского характера (на примерах биографий писателей, поэтов, философов, общественно-политических деятелей, духовных авторов России) конца XVIII–начала XX веков;
- образ уничиженного Христа в художественном контексте и религиозно-философском прочтении (на примере произведений русской художественной литературы и философии);

• обзор доктрины кенозиса в богословских системах русских авторов (таких как, свт. Тихон Задонский, митр. Филарет Дроздов, прот. С. Булгаков, М. Тареев, Вл. Соловьев).

Книга Городецкой «Уничженный Христос в современной русской мысли» состоит из 5 глав:

Глава 1 «Принятие самоумаления как национальный идеал»,

Глава 2 «Идеал святости в русской художественной литературе»,

Глава 3 «Христианские особенности радикального движения»,

Глава 4 «Религиозно-нравственный аспект уничтожения»,

Глава 5 «Доктринальные сочинения о кенозисе»,

Выводы.

Религиозно-философская критика русской литературы Н. Д. Городецкой органично включается в традицию религиозно-нравственного осмысления русской культуры в работах Н. Бердяева, В. Зеньковского, И. Ильина, К. Мочульского и др., но имеет свою уникальную концепцию. Она выражается в рассмотрении русской литературы сквозь призму кенозиса. Парадигма литературной критики Городецкой представлена следующими этапами:

1. Обращение к образу писателя, поэта, его «духовно-психологическая биография» (первый этап вновь созвучен приему Бердяева: в своей работе, посвященной А. С. Хомякову, он отметил: «Я не предполагаю писать в точном смысле слова биографии Алексея Степановича Хомякова. Я хочу дать лишь его психологическую биографию, характеристику его личности. Нельзя понять учение иначе, как в связи с личностью. Всякое значительное учение есть дело значительной личности, из глубин ее творится и глубинами ее лишь объясняется» [10, с. 106]) с актуализацией на такие стороны его характера как эмпатия, жалостливость, смирение, жертвенность.

2. Выделение черт кенотических по содержанию, которые вызывают сочувствие и придают рассматриваемому автору ореол мученика, страдальца.

3. Рассмотрение проблематики и поэтики произведения в контексте кенозиса или исследования кенотического содержания в портрете, поведении, поступках персонажей.

Свой обзор Городецкая начинает со славянофилов и западников, последние строки — о С. Есенине, М. Волошине и А. Блоке.

Расцвет русского кенозиса приходится на культуру XIX века: Н. Гоголь, Ф. Достоевский, Л. Толстой, Н. Лесков. Во второй главе своей монографии «Идеал святости в русской художественной литературе» Н. Д. Городецкая обращается к художественной литературе XIX века, отводя ей место миссионера святости и призвания России, выразителя ее

ключевых духовно-нравственных ориентиров. «Литература приобрела то важное значение, которое долгое время было утеряно в других странах Европы, — полагала мыслитель, — и русские писатели, такие как Пушкин, Гоголь и Толстой больше рассказали о национальном характере, о заслугах и недостатках русского разума и сердца того времени, чем, например, историки и публицисты» [5].

Николаю Васильевичу Гоголю (1809–1852) Городецкая отводит особое место: его творческий и жизненный путь оказались так тесно переплетены, что черты личной духовной биографии нашли непосредственное отражение в образах его персонажей.

«Гоголь один из самых загадочных фигур России XIX века. Он постоянно удивляет своей непредсказуемостью», — Городецкая отмечает его склонность к самоанализу, покаянию: «Гоголь проповедовал очищение души и тела художника, и сам жил жизнью все нарастающего аскетизма для совершения великой и назидательной работы» [5]. «Все усилия Гоголя, его бдительный самоанализ (по мнению некоторых его друзей — болезненный) и его аскетизм были обусловлены желанием послужить и убеждением, что это служение должно быть в первую очередь достойным Божиего дела. Служение было его призванием. Он стремился к нему с детства, и трудностью для него было выбрать поле деятельности, чтобы осуществить свое намерение. Отсюда его колебания между гражданским служением, учебой в университете, художественной литературой и, позже, сосредоточенностью на „душе и прочном деле жизни“» [5]. Обращаясь к анализу его произведений, Городецкая выявляет в них все более углубленное движение Гоголя к духовно-нравственному писательскому служению. «Когда общество возмущалось поведением персонажей *Ревизора* или смеялось над ними, Гоголь плакал. Политическая сатира была наиболее ожидаемой от него, но сам автор настаивал, что его творчество есть воспроизведение его собственного внутреннего мира. Он отказался „совершать эпоху в литературной сфере“ в соответствии с чаяниями его друзей, потому что считал, что его истинная работа должна быть „проще“: „моя работа есть *душа* и твердое *дело жизни*“. *Мертвые души* (1842) также были авторским путем самоанализа» [5].

«Размышления о Божественной Литургии» Городецкая считает ключом к пониманию Гоголя и его самым важным религиозным трудом, который питался не страхом перед Богом, а сыновней любовью к Нему и Его Матери. Гоголю так ценны обращения к Деве Марии «прославленной», чтобы все могли научиться, что «смирение есть высшая добродетель и как Бог воплощается в скромном сердце» [5].

«Гоголя незаслуженно обвиняли в высокомерии и даже гордыне», особенно после неверной интерпретации его книги «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), — полагает Городецкая [5].

«Книга, действительно, содержала немало наивных замечаний, но были в ней также правильные и точные духовные советы. Никто из его хулителей не желал слушать Гоголевские советы, хотя Гоголь объяснил, что не претендует на всезнание, но он скорее как школьник, который помогает своим друзьям пройти школу жизни» [5].

«Ничего не было бы проще для Гоголя с его единогласно признанным гением, чем закончить свою жизнь в богатстве, славе и всеобщем уважении и восхищении. Вместо всего этого он обратил свой взор к Богу и принял репутацию мракобеса и безумца. Он был готов даже приписать эту всеобщую слепоту своей собственной вине. И хотя он знал, что грешен, но чувствовал настоятельную потребность молиться не столько за себя, сколько за свою страну. Это также было осмеяно как неслыханная претензия. Кажется, что только за унижение и муки этого человека, которому русская литература так многим обязана, нужно вспомнить его в числе великих российских духовных судеб», — заключает Городецкая [5].

Таким образом, в своей работе «Уничиженный Христос в современной русской мысли» Н. Д. Городецкая отводит Гоголю роль учителя непонятого, униженного, осмеянного, а через то — стяжавшего смирение и мзду на Небесах. Художественное творчество классика является отражением его духовного становления как христианина, где нашлось место и самосуду, и покаянию, и обретению славы духовного писателя России, обратившего художественную литературу к человеку, реализации высшего замысла о нем.

В заключение следует упомянуть о цикле интервью, которые Городецкая взяла в 1931 году по заданию редакции газеты «Возрождение» у проживавших во Франции русских писателей: А. Куприна, В. Ходасевича, Тэффи, М. Алданова, И. Шмелева, М. Цветаевой. Наряду со статьями, обзорами, главами книги «Уничиженный Христос в современной русской мысли», их материалы также могут быть полезны для воссоздания взглядов Городецкой на литературу. Особенностью интервью были цели журналистки Городецкой: не столько узнать, над чем работает автор, сколько получить ответы, могущие заведомо подтвердить или опровергнуть концепцию Городецкой о религиозно-православных основах русской литературы.

Так, автор сравнивается с подвижником, монахом-аскетом: писать как перебирать четки, писание — молитва; отсюда постоянное внимание Городецкой на руки, пальцы собеседника, его движения. Образ автора-

молитвенника явен в рассуждениях А. Ремизова: писать, как молиться по четкам — «нанизывать на четки слова». «Не писать не могу. А потом увидел, как женщина в церкви молится. И вдруг понял — да ведь и я так молюсь, когда пишу, „отложив попечение“» [1, с. 707].

В беседе с В. Ходасевичем Н. Д. Городецкая предлагает ввести в литературный обиход новый художественный метод — духовный реализм: «что же может стать „предметом“ русской поэзии? Не считаете ли вы, что после символизма стало дозволено говорить простым языком о иных реальностях? То есть, не стоим ли мы перед новым, духовным реализмом?» [1, с. 720]. В беседах Городецкая явно или подспудно подводит авторов к рассуждению о том, какой должна быть новая литература в ее новом назначении — быть отражением и напоминанием о духовном, о горнем мире.

«Задача эмигрантской литературы — сохранить этот (*духовный*. — Т. С.) строй, присущий русской литературе»; эмигрантская литература должна иметь «русское лицо»; «роль эмигрантской литературы — соединить прежнее с будущим. С традицией надо, как с зерном. И вывезти его надо, и посадить, и работать над ним, творить дальше» (В. Ходасевич) [1, с. 719].

Говоря о новой эстетике духовного реализма следующий собеседник Городецкой И. Шмелев подчеркивает необходимость обожения искусства: «Вот когда я говорю о новой эстетике, я это так понимаю: надо *обожить* искусство, уяснить, что искусство, как и религия, из одного — божественного — источника... Да что там... Пушкин в „Пророке“ все сказал. Уголь-то пылающий огнем» [1, с. 722].

Автор как соработник у Бога, а следовательно, ближайший ко Христу, должен быть готовым добровольно следовать за Христом в подвигах самоотречения, страдания, жертвенности.

Таким образом, суть понимания и оценки Н. Д. Городецкой русской культурно-общественной деятельности, в целом, и литературы, в частности, заключается в степени раскрытия в личном, творческом или общественном бытии доктрины кенозиса и соответствия русской идее. Плод литературной деятельности автора рассматривается Н. Д. Городецкой с позиции соответствия его содержания высоко заданной планки евангельского призыва к совершенствованию, которое может быть достигнуто посредством подражания Спасителю в Его подвиге самоумаления.

Библиографические ссылки

1. *Городецкая Н. Д.* Остров одиночества: Роман, рассказы, очерки, письма / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. М. Любомудрова. СПб. : ООО «Издательство Росток», 2013.

2. *Струве Г.* Русская литература в изгнании / Изд-е 3, испр. и доп. Париж-Москва : YMCA-Press, Русский путь, 1996.
3. *Бердяев Н. А.* Русская идея // Самопознание. Сочинения. М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков : Изд-во Фолио, 2001.
4. *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. М. : Издательский центр «Классика», 2003. Т. 2. Стихотворения, 1850–1873.
5. *Gorodetsky N.* The humiliated Christ in modern Russian thought. Leighton Buzzard: FAIT PRESS' LTD, 1938. 185 p. / *Городецкая Н. Д.* Уничиженный Христос в современной русской мысли / Пер. Т. П. Сидорова. Минск, 2024. *В рукописи.*
6. *Достоевский Ф. М.* Идиот: [роман]. М. : Изд-во АСТ, 2022.
7. *Мальшев А. В.* Русская кенотическая христология конца XIX–начала XX века: генезис и проблематика: дисс. ... канд. теологии. М. : ПСТГУ, 2022.
8. *Сидорова Т. П.* Осмысление духовничества в наследии русского зарубежья: архимандрит Лев (Жилле) и Н. В. Городецкая // Материалы междунар. науч. конф. «Феномен старчества в истории культуры: к 120-летию со Дня рождения преп. Амвросия Оптинского». Минск : Институт теологии имени св. Мефодия и Кирилла БГУ, Институт философии НАН Беларуси, 2023. С. 18–24.
9. *Лев (Жилле), архим.* Безграничная любовь / Пер. Н. В. Ликвинцевой, Л. Ф. Джалилова, Ф. Иогансона. М. : Ниня, 2021.
10. *Бердяев Н. А.* Признанья верующего вольнодумца / Сост. и предисл. Т. А. Соколовой. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2007.